

УДК 008.2

DOI 10.17726/phillТ.2022.2.5

**Человек в плену цифрового кокона:
социокультурная идентичность в эпоху
цифровизации**

(Рецензия на: Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография. – Пермь: ПГИК, 2021. – 286 с. ISBN978-5-91201-355-3)

Труфанова Елена Олеговна,

доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора теории познания,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия

iph@etrufanova.ru

**Human in the prison of digital cocoon:
socio-cultural identity in the digital age**

(Review of: Lisenkova A. A. Transformations of socio-cultural identity in the digital space: a monograph. – Perm: PGIK Publ., 2021. 286 p. ISBN978-5-91201-355-3 (in Russian))

Trufanova Elena Olegovna,

associate professor, Dsc in Philosophy,
leading research fellow of the Department
for the Theory of Knowledge,
RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russia

iph@etrufanova.ru

Понятие цифровизации начало использоваться в конце XX века, в первую очередь применительно к цифровой экономике,

а с 2017 года проникло в ряд государственных документов Российской Федерации. Однако цифровые процессы касаются не только экономической сферы; для философии цифровизация представляет интерес прежде всего как процесс внедрения цифровых технологий во все сферы общественной и культурной жизни, в особенности – в сферу социальных коммуникаций. Цифровые коммуникации начинают занимать все более крупную долю в коммуникативной деятельности человека, однако по-прежнему сохраняется предубеждение к цифровым коммуникациям как менее весомым, неполноценным, не вполне «настоящим». Это ошибочная оценка важности роли цифровых коммуникаций ведет к социально-психологическим проблемам, в том числе связанным с особенностями становления и сохранения личностной идентичности. В ряде работ конца XX – начала XXI века о цифровых идентичностях (чаще использовались термины «виртуальная», «сетевая», «интернет-идентичность»)¹ писали как об особом виде идентичности: показательно противопоставление «реальной» и «сетевой» идентичностей [См., например: 1 и др.], подразумевающее нереальность последней. Действительно, на определенном – раннем – этапе развития цифровых коммуникаций, отличавшемся почти полной анонимностью пользователей, действия человека в Сети могли рассматриваться как его альтернативная жизнь (или даже жизни), но данный этап уже пройден [2]. В связи с этим исследования нового статуса цифровой составляющей идентичности (как индивидуальной, так и коллективной) приобретают особую актуальность. Монография Анастасии Алексеевны Лисенковой «Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве», вышедшая под грифом Пермского государственного института культуры, ставит задачу выявить ключевые проблемы, возникающие в этой сфере. Забегая вперед, сразу скажем, что эта книга, как и работы других авторов, посвященные данной проблематике, не дает путей решения для возникших проблем, а лишь выявляет и описывает их. Это не критическое замечание, поскольку поиск подобных решений – актуальная задача для всего современного общества, которую не под силу выполнить одному исследователю. Тем не менее, анализ и детализация возникающих проблем способствуют уточнению направления этого поиска.

¹ Список работ на эту тему очень обширен, поэтому воздержимся от его перечисления.

Как отмечает А. А. Лисенкова, «сегодня исследователям необходимо найти ответы на многие существенные вопросы о степени влияния цифровизации на человека, такие как: возможно ли определение границ влияния цифровых виртуальных технологий на человека и насколько индивидуальный повседневный опыт интегрирован в цифровую среду, как избежать все большего размывания границ публичной и приватной сфер и наступления цифровых технологий на частную жизнь человека, с какими вызовами столкнется человек с развитием нейросетей, искусственного интеллекта и анализа больших данных в форматах платформ Web 4.0? Все эти вопросы связаны с развитием и повсеместным наступлением цифровых технологий в повседневные практики жизни общества, и ответы на них позволят оценить, насколько они уже укорены в нашей повседневности, и спрогнозировать возможные эффекты в будущем» [3, с. 55].

В пяти главах своей книги автор пытается осветить эти вопросы, описывая возникший в связи с развитием цифровых технологий новый тип культуры (как коммуникативной, так и культуры в целом) и делая акцент на изменениях, происходящих с социокультурной идентичностью человека в новых условиях.

Несомненным достоинством книги является то, что она ориентирована на широкого читателя. Это не означает снижения уровня академичности: речь идет о том, что обсуждаемые проблемы одинаково актуальны как для философов, так и для культурологов, социологов, психологов и других представителей социогуманитарных дисциплин, и в то же время доступны и читателям, не являющимся учеными, но интересующимся проблемами современной цифровой среды.

Среди множества важных тем, поднимаемых автором в книге (от обзора теоретических подходов к изучению социокультурной идентичности и особенностей формирования российской социокультурной идентичности до влияния медиасреды на ценности молодежи и проблемы цифровой компетентности), я бы хотела более подробно отметить две, представляющиеся мне ключевыми.

Первая тема – это заявленная в заглавии монографии проблема изменений социокультурной идентичности под влиянием цифровых процессов.

Автор подчеркивает, что особенности «цифровой» культуры, предоставляемые ей новые возможности позволяют человеку бо-

лее творчески подходить к конструированию и переконструированию своей идентичности, отмечая, как изменились способы и стратегии этого конструирования: «...в современном «прозрачном» цифровом мире игры с идентичностью становятся все менее возможными, так как сам процесс идентификации подвержен тотальной де-анонимизации, а «цифровые следы» формируют реальный цифровой профиль каждого участника цифрового мира, объединяя реальную и виртуальную личности в единой цифровой идентичности. В социальных сетях сегодня преобладают именно стратегии репрезентации подлинных свойств личности, создание ложных виртуальных профилей осталось в прошлом, став бессмысленной стратегией проявлений различных девиаций, так как игры с идентичностью и анонимность утратили актуальность, а социальные сети стали пространством обретения признания, местом выхода из одиночества, местом, в котором происходит самоактуализация, самореализация и самоутверждение личности через управление впечатлениями Другого» [3, с. 110]. Самоконструирование, таким образом, ведется в пределах реальных личностных и социальных отношений и связано в первую очередь с использованием предлагаемых цифровыми технологиями возможностей саморепрезентации себя в цифровом пространстве, если не в воображаемых, то в желаемых образах.

Справедливо отмечая ряд важных, но уже неоднократно описанных в научной литературе проблем функционирования личности в цифровой среде (утрата анонимности, размывание границ приватного и публичного, изменение способов производства и взаимодействия с информацией, тотальный контроль за «цифровыми следами» человека и т.д.), автор демонстрирует, что «цифровая реальность и виртуализация повседневных практик становятся частью жизни современного человека, жизни, в которой невозможно провести грань между присутствием в сети и реальными коммуникациями» [3, с. 62]. Однако, справедливо подчеркнув невозможность отделения в современной ситуации реальных коммуникаций от цифровых, А. А. Лисенкова посвящает большую часть работы именно жизни человека в цифровых коммуникациях, так что создается впечатление, будто она полностью вытесняет собой жизнь «офлайн». Автор утверждает: «...мы видим сегодня тенденции все большей десоциализации личности в реальном пространстве и резкий рост гиперсоциализации в цифровом. Контент новых

медиа настолько органично вписан в жизнь человека, что без постоянно обновляемой и индивидуализированной информации из новостных лент, внимания «друзей», репостов, лайков, новых знакомств и комментариев успешность современного человека просто немыслима. Если тебя нет в цифровом пространстве – тебя не существует» [3, с. 63]. Действительно, все больше социально-значимых событий начинает происходить в Сети, однако это не означает, что офлайн-события не оказывают своего влияния на цифровое бытие человека. Сетевые коммуникации, с их описанной автором «жизнью напоказ», функционируют во многом по принципам гиперреальности, охарактеризованной Умберто Эко [5]. Для Эко примером гиперреальности становятся распространенные в американской культуре копии мировых достопримечательностей (таковы, например, псевдо-Венеция в Лас-Вегасе, витражная репродукция «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи на одном из частных кладбищ Лос-Анджелеса или тематические рестораны Диснейленда), которые претендуют не только на полную подмену собой оригиналов, но даже на то, что в чем-то превосходят последние – они больше, ярче, «bigger than life». Подобной гиперреальностью является и множество сетевых проявлений, например визуальное отображение отдельных фрагментов своей жизни в соцсетях, когда пользователь выставляет напоказ «улучшенные» с помощью специальных программ фотографии себя, постановочные фото со стереотипно-романтическими эпизодами (свидание, предложение руки и сердца, прогулка), сцены из «красивой жизни» (например, красиво сервированную еду), символы показательной причастности к коллективной памяти, коллективной скорби или определенному общественному движению с помощью хэштегов, цветных «рамочек» в соцсетях и т.д. Участие в этой «игре» может быть как бизнес-стратегией (поддержание определенного имиджа публичной персоной), так и просто способом саморепрезентации, в котором пользователь пытается быть «не хуже» других пользователей, уже играющих по этим правилам. Однако доминирование цифровых репрезентаций характерно именно для представителей поколения «digital natives», «цифровых аборигенов» (используя термин М. Пренски) [6], т.е. людей, выросших в активном взаимодействии с цифровой средой и почти (или совсем) не заставших доцифровую эпоху, т.е. это поколение тех, кому на данный момент (2022 год) меньше 40 лет. Текущее поколение «40+» преимущественно ве-

дет себя в цифровых коммуникациях иначе по сравнению с той моделью поведения, которую описывает А. А. Лисенкова, притом процент активных пользователей цифровых технологий среди них также достаточно высок. В указанной монографии возникает впечатление, что эта новая культура уже доминирует, но в реальности, как представляется, именно конфликт этой становящейся цифровой культуры и привычных моделей общественных отношений создает наибольшее количество проблем. Одновременно он отражает и поколенческий разрыв между молодежью и теми, кто старше.

В то же время цифровые коммуникации, реализуемые в Сети, представляют собой определенную наглядную модель идентичности, в которой различные идентификации четко выражены в виде принадлежностей к определенным группам, описаний в пользовательских профилях и т.д. По сути, в цифровом пространстве ряд тех идентификаций, которые являются частью нашего внутреннего мира (например, определенные ценностные установки, интересы и т.д.) и предъявляются только при необходимости, постоянно выставлены напоказ и, действительно, могут наглядным образом связывать (через систему подписок, групп интересов и т.д.) индивидов в определенных социокультурных общностях. В целом, можно добавить, что сеть (не социальная или цифровая, а сеть как способ связи между различными узлами) является удачной метафорой для описания идентичности. Представляется, что топологически это сеть-«звезда», которая имеет центральный узел и множество расходящихся от него «лучей», представляющих различные идентификации, связанные с одним субъектом, находящимся одновременно в физическом и цифровом мирах.

Но, пожалуй, важнейшей темой, которую поднимает автор, является проблема доверия и недоверия, в частности – роста недоверия под влиянием специфики цифровых коммуникаций. Как справедливо отмечает А. А. Лисенкова, «...современные информационно-коммуникативные технологии создают достаточно противоречивую картину, а зачастую и усугубляют и так неоднозначную ситуацию, стимулирующую развитие недоверия. Преодоление этих тенденций является серьезным цивилизационным вызовом сложившейся системе нравственности и права» [3, с. 191]. Очевидной причиной для утраты доверия является переизбыток информационных источников и невозможность адекватной оценки

их достоверности. Мы слишком часто сталкиваемся с фейками, с «постправдой», чтобы продолжать доверять кому бы то ни было. Второй причиной следует считать процесс, который, по аналогии с текущими геополитическими процессами, можно было бы назвать «глокализацией», ростом сепаратизма и даже своего рода геттоизацией. Пользователи в Сети неизбежно включаются в различные сообщества – даже не вступая в какие-либо группы, а просто обозначая круг своих знакомых в соцсети, мы начинаем за счет различных используемых цифровых алгоритмов получать таргетированную рекламу, индивидуальные подборки новостей, рекомендации блогов и других пользователей и т.д. В итоге «открывающиеся возможности самоконструирования и самоопределения позволяют не только становиться участником собственного виртуального мира, но и идентифицировать и проявлять себя в рамках определенных сообществ, создавая вокруг информационный ценностно приемлемый кокон...» [3, с. 108]. Этот образ кокona встречается у автора достаточно часто, и он очень точно отражает специфику пребывания в Сети: нас окружает специально подобранная под наши запросы и интересы информация и отобранные нами (или цифровыми алгоритмами) пользователи, которые нам интересны и приятны, но при этом у нас создается иллюзия, что весь мир устроен именно так и никак иначе. Можно, например, удивляться результатам выборов в Думу, упирая на то, что «никто не поддерживает эту партию», но «никто» означает лишь «никто» в моем комфортном «коконе», за пределы которого мне бывает трудно выбраться. Пребывание в этом коконе создает успокаивающую иллюзию того, что все вокруг разделяют мою точку зрения на мир, и разрушение этой иллюзии при выходе за пределы кокona может оказаться весьма болезненным.

Молодые люди, «цифровые аборигены», привыкают к формату цифрового общения, где, с одной стороны, ты открыт всему миру, а с другой – в любой момент можешь избавиться от тех мнений, которые тебе неприятны. Если в социальной сети кто-то оставляет тебе комментарий, который тебе не по душе, ты всегда можешь заблокировать этого пользователя, чтобы больше не контактировать с ним и не сталкиваться с неприятным тебе мнением. Возможно, именно отсюда такую популярность приобретает «культура отмены», когда любое нелицеприятное тебе мнение ты объявляешь неприемлемым и «отменяешь» его носителя [4]. Одна-

ко эта ситуация весьма сложно переносится из виртуального мира в реальный – в отличие от цифровых коммуникаций, ты не можешь заблокировать коллег по работе, чей взгляд на мир противоречит твоему, или «отменить» родственников, которые навязывают тебе свои ненужные советы. При попытке переноса сетевого формата взаимодействий в офлайн-среду может возникнуть шок от столкновения с неподатливой реальностью, в которой чужие мнения и неприятные люди не исчезают в один «клик» и даже подать на них жалобу о неправильном поведении или о неприемлемой точке зрения (подобно жалобам на неприемлемый контент) оказывается не так уж просто.

Становясь частью определенной социальной группы в Сети, человек еще более «закрывается» от мира. А. А. Лисенкова пишет: «Многие интернет-пользователи не только не готовы уважать мнение и свободу «другого», но и признавать сам факт его существования, так как в тех группах, где они преимущественно общаются, «других» нет. Если «другой» появляется на территории «чужого кластера», то он априори становится врагом, так как само его существование ставит под сомнение и угрозу систему ценностей, которая сложилась в группе» [3, с. 218]. Так, в сетевых сообществах растет доверие к группе «своих», но в то же время еще больше усиливается недоверие ко всем, кто находится за ее пределами. В связи с увеличением доли цифровых коммуникаций, эта модель отношений начинает все сильнее влиять на реальные отношения между индивидами и социальными группами. Этот рост недоверия к «другим» выливается в полномасштабные социальные и межкультурные конфликты, где вместо поиска компромиссов идет замыкание в группах «своих», без попытки понять и принять чужую позицию. В то же время, как отмечает автор, «бестелесность, анонимность, мнимая свобода и открытость породили целый ряд деструктивных и негативных явлений в сети, которые выразились в различных вербально-агрессивных формах: замечаниях, взаимных обвинениях, угрозах, порицании, оскорблении оппонентов, враждебности по отношению к «другим» / «не таким», конфликтности и конформизме» [3, с. 210]. Этот агрессивный способ реагирования на «не таких», распространенный в Сети, все чаще выходит за ее пределы, в реальный мир.

Наконец, в последней главе автор, рассматривая проблему развития навыков взаимодействия с цифровой средой, отмечает, что

«умение критически мыслить и оценивать информацию становится одной из базовых компетенций современного человека, но ей нигде не учат. Цифровая грамотность включает не только умение оперировать большими информационными потоками и развитие навыков критического мышления, но и умение оперировать семантическими и мифологическими системами, интерпретировать, оценивать и определять достоверность информации» [3, с. 234].

К сожалению, критическое мышление в современном мире все чаще уступает мышлению внутри своего «коккона», а вместо попытки поиска компромиссов между позициями разных социальных групп и культур лишь усиливается противопоставление «свой»-«чужой».

Книга А. А. Лисенковой, несомненно, дает большую пищу для размышлений – не только над указанными выше проблемами. Как отмечает автор, «развитие цифровых технологий в мире послужило толчком не только для нового типа коммуникаций, но и для нового типа культуры в целом» [3, с. 73]. Мы еще только начинаем понимать, что это будет за культура: автор дает предварительный набросок этого нового типа культуры и бытия человека в ней. Речь идет о мире, в котором мы живем здесь и сейчас, а предлагаемая авторская рефлексия над этим миром позволяет высветить наиболее важные детали новой социокультурной среды, сформированной под влиянием цифровизации. Представленная монография, несомненно, заставляет каждого задуматься о своем месте в новом, пронизанном цифровыми коммуникациями, мире, и о поиске более успешных способов существования в нем.

Литература

1. *Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. № 2. – С. 98-121. (*Voiskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Y.* Network and real identity: a comparative study // *Psikhologiya: zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* – 2013. – Т. 10. № 2. – S. 98-121.)
2. *Труфанова Е. О.* Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. – 2021. – № 3. – С. 370-375. (*Trufanova E. O.* Man in the digital world: «distributed» and holistic // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya, psikhologiya, sotsiologiya.* – 2021. – № 3. – S. 370-375.)
3. *Лисенкова А. А.* Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография. – Пермь: ПГИК, 2021. –

- 286 с. (*Lisenkova A. A.* Transformation of socio-cultural identity in the digital space: monograph. – Perm': PGIK, 2021. – 286 s.)
4. *Труфанова Е. О.* Этична ли «новая этика»? // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма. Сборник трудов международной научной конференции. – Саратов, 2021. – С. 406-416. (*Trufanova E. O.* Is the «new ethics» ethical? // Mir cheloveka: normativnoye izmereniye – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnykh perspektivakh: ot realizma do konstruktivizma i transsentsentalizma. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Saratov, 2021. – S. 406-416.)
 5. *Eco U.* Faith in Fakes. Travels in Hyperreality. – London: Vintage UK, 1998. – 192 p.
 6. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. – Vol. 9. No. 5. – P. 1-6. DOI:10.1108/10748120110424816.